

ВЛАДИМИР ГАРАНИН

ВЛАДИМИР УРЕЦКИЙ

ЧАК-ЧАК И КУКУРУЗА

К 60-летию визита первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва в Татарскую АССР.

При упоминании имени Никиты Сергеевича у кого-то сразу всплывут в памяти кукуруза, карибский кризис, бульдозерная выставка авангардистов. А у кого-то «оттепельная» свобода слова, первый полёт человека в космос, массовое строительство знаменитых пятиэтажек, ликвидация в короткий срок эпидемии оспы: за неделю без шума и пыли было привито более десяти миллионов жителей Москвы и Подмосквья.

Государственный деятель, первый секретарь ЦК КПСС, руководивший СССР в 1953–1964 годах, «последний идейный коммунист», как отмечали некоторые исследователи, обладал неким ореолом политического авантюризма, хаотичной импровизации и безоглядной решительности. Много ездил по стране и по миру, любил встречаться и напрямую общаться с людьми.

Никита Сергеевич Хрущёв был первым и единственным из руководителей страны в период с 1917 по 1991 годы, кто с официальным визитом посетил Татарскую АССР. Этот визит стал возможным только благодаря настойчивости Фикрята Табеева, в то время первого секретаря Татарского обкома КПСС. В книге ныне покойного Ягсуфа Шафикова «Фикрят Табеев» приводятся следующие слова тогдашнего руководителя Татарии: «Как бы мы ни судили о Никите Сергеевиче Хрущёве, мы должны исходить из того, что он был продукт своей эпохи, честный и порядочный человек, искренне заботящийся о будущем своего народа. Встречаясь в Москве или на зональных совещаниях, я всегда приглашал Никиту Сергеевича посетить нашу республику. Он неизменно отвечал: „Приеду. Обязательно приеду, товарищ Табеев...“»

И вот сдержал своё слово! С 1 по 18 августа 1964 года, совершая поездки по стране, первый секретарь ЦК КПСС прибыл на землю Татарской АССР, а за день до этого он колесил по Северной Осетии.

В воскресенье 9 августа, во второй половине дня его самолёт приземлился в Казанском аэропорту, который в то время находился в черте города. Кроме всего состава бюро Татарского обкома КПСС у трапа самолёта в национальных костюмах стояли

две девушки, одна из них преподнесла Никите Сергеевичу чак-чак. Звали красавицу Соня Тимергалеева. Спустя годы она стала тёщей казанского журналиста Нияза Ахмадуллина. Вот как Нияз рассказывал об этом эпизоде: «В начале июля 1964 года Соню, которой в ту пору исполнилось 18 лет, пригласила к себе директор Дворца культуры имени Урицкого (девушка занималась здесь в танцевальной студии), сказав, что ей и ещё одной девушке по имени Роза выпала честь встретить в Казани иностранную делегацию. О том, что этим таинственным иностранцем окажется Хрущёв, помимо узкого круга посвящённых, никто не догадывался.

Казань была тогда закрытым городом, и, конечно, встреча зарубежной делегации стала событием просто беспрецедентным и весьма почётным. К делу подошли со всей серьёзностью. Подготовка шла почти месяц. Девушки написали подробные автобиографии, у них проверили всю родословную, вплоть до прадедушек. Им сшили крепдешиновые платья и шёлковые фартуки, вышитые национальным орнаментом. В универмаге купили красивые белые туфли на каблук, которые после визита были подарены Соне и Розе. Подарок невероятный и весьма дорогой по тем временам. О том, кого на самом деле придётся встречать, они узнали только за день до встречи.

Рано утром девушки приехали во Дворец культуры, где им в волосы вплели длинные косы, а на голову надели вышитые калфачки. Затем посадили в автобус и повезли в аэропорт. Там их подвели к группе руководителей республики, среди которых выделялся высокий первый секретарь Татарского обкома партии Фикрят Табеев. Маленькой и хрупкой девушке он показался просто великаном. В это время принесли несколько чак-чаков. После придиричивого осмотра был выбран один из них. Среди множества вышитых полотенец отобрали тоже одно. Девушек подробно проинструктировали: как встречать Хрущёва, как отвечать, если он задаст вопросы. Вскоре на аэродроме приземлился первый самолёт, на котором, как оказалось, прибыла хрущёвская охрана. Несколько её сотрудников побеседовали с нашими героинями, задали им кое-какие вопросы. «У меня сложилось твёрдое впечатление, что они просто хотели на нас посмотреть, поскольку знали о нас всё, включая информацию о родителях», — рассказывала мне Саня Ахметвалеевна.

И вот, наконец, настало время и самой встречи. Вторым самолётом на казанскую землю прилетел Никита Сергеевич Хрущёв. Очень волнуясь, девушки пошли к трапу. Соня несла на вышитом полотенце чак-чак — символ татарского гостеприимства и радости. Саня Ахметвалеевна вспоминает, что из самолёта вышел небольшого роста, полноватый лысый мужчина, очень обаятельный, доброжелательный. Он показался Соне каким-то давно знакомым, почти родным дедушкой. Когда Никита Сергеевич спустился с трапа, Роза приветствовала его на татарском языке: «Рахим итегез!», а Соня на русском: «Добро пожаловать!» Никита Сергеевич подошёл и, посмотрев на чак-чак, как-то несколько растерянно спросил: «Ой, а что это?» «Это наше национальное татарское блюдо чак-чак, очень вкусное — попробуйте», — ответила девушка. Хрущёв отломил кусочек: «Вкусно!» За всем этим процессом напряжённо наблюдали руководители республики. Как только Хрущёв попробовал чак-чак и улыбнулся, дисциплинированные чиновники тут же, все как один, дружно заулыбались. Засмеялись облегчённо и девушки. А затем довольный Никита Сергеевич приобнял Соню и Розу за плечи.

К слову, узнав, из чего готовят чак-чак, который по виду напоминал кукурузные зерна, Хрущёв очень удивился и произнёс: «Не верю, что в нём нет кукурузы!»

В газете «Советская Татария» от 10 августа 1964 года писали о прибытии Никиты Хрущёва в Казань так: «Н. С. Хрущёв и сопровождающие его лица направляются на автомашинах в город. Столица Татарии тепло встречает Никиту Сергеевича. Десятки

тысяч жителей города вышли на улицы, чтобы приветствовать дорогого гостя. Товарищ Н. С. Хрущёв осмотрел новый Советский район Казани, где ещё несколько лет назад был пустырь, а теперь выросли многоэтажные дома, промышленные предприятия, учебные заведения и научно-исследовательские учреждения. Машины идут по центру города. Никита Сергеевич проезжает по историческим местам, связанным с именем В. И. Ленина. По многим улицам города проехал Н. С. Хрущёв, и всюду его встречали улыбки, цветы, радостные возгласы. В этот воскресный день, кажется, вся Казань вышла на улицы, чтобы приветствовать главу Советского правительства».

Но не всё было так радужно, как писали в прессе. В Татарию с визитом Хрущёв приехал незадолго до вынужденной отставки. Тучи над ним уже сгущались. В 1964 году недовольство его правлением дошло почти до предела: людей очень напрягли ночные очереди за хлебом и серьёзные проблемы с покупкой других продуктов питания. Если быть объективными, то не все жители Казани пришли добровольно приветствовать Никиту Сергеевича.

Вот как вспоминает о встрече Хрущёва Мстислав Поливанов: «В то лето я жил в спортлагере КГУ. Отдыхали прекрасно. Вдруг нам говорят: „Получайте сухой паёк и в Казань — приветствовать Хрущёва“. Сильно напрягаться не просили, надо было просто постоять в толпе на улице. Я встал около госпиталя на Ершова. Хрущёва везли быстро. Не помню, чтобы он улыбался и особо приветливо махал рукой. Старшее поколение это тоже отметило, и потом они говорили, что-де Никита предчувствовал своё смещение. Моему физфактовскому окружению была свойственна аполитичность, по крайней мере, в те годы, но эти рассуждения старших запечатлелись хорошо. Ещё запомнил, что как только проехал кортеж, который, к слову, был невелик, на середину улицы вышел пьяный дядька, махал вслед кулаком и нецензурно выражался. Но его даже не пытались задержать. И это удивило».

В многотысячной шеренге людей, изображающих счастье, в тот день очутился и бывший рабочий завода «Свяга» Николай Белов. Вот что ему запомнилось: «Я с женой Лидией Захаровной и трёхлетней дочкой Наташей возвращался с дачи, расположенной за посёлком Нагорный, до дома на Вишневого. Добирались пешком. Обычно мы доходили до остановки „Компрессорный завод“ и дальше ехали на автобусе. А в тот день ввиду посещения Хрущёвым завода, автотранспорт из центра доходил только до ресторана „Акчарлак“.

Напротив артиллерийского училища на улице Ершова мы стали свидетелями следующей сцены: встречающие казанцы, собравшиеся по сторонам дороги, сомкнулись и, по существу, перекрыли проезд для кавалькады машин. Первый секретарь Татарского обкома партии Фикрят Табеев вынужден был встать во весь свой большой рост (машина «Зим» была с откидным верхом) и жестами показывал, чтобы народ дал возможность проехать. Хрущёв сидел со спокойным лицом, но полковник из личной охраны, находясь рядом с ним, напряжённо держался левой рукой за карман пиджака».

Ещё один свидетель проезда высокого гостя по улицам Казани Камиль Гайнуллин подметил такую деталь: «В 1964 году мне было 8 лет, я жил на улице Лобачевского в доме № 4 и с балкона видел — это длилось секунды, — как двигался кортеж автомобилей. В одной из машин стоял Хрущёв и махал рукой. Думаю, жители были заранее предупреждены об этом событии, на тротуарах улиц было много народа, в оцеплении стояли милиционеры. На нашем балконе находились и другие соседи, и один незнакомый мужчина. Как позже рассказывал папа, это был сотрудник органов, который не разрешил кидать в сторону машины букеты с цветами».

Днём раньше на этой же улице, у Ленинского сада, вместо газонов красовалась практически голая земля. Городским властям пришлось в срочном порядке эти газоны

реанимировать: в землю воткнули свежесрезанные цветы. Проехал мимо московский гость, а после — хоть трава не расти!

Осмотрев город, Никита Сергеевич провёл совещание с партийно-хозяйственным активом республики. А после поехал по только что заасфальтированной к его приезду дороге отдыхать на обкомовскую дачу в Боровое Матюшино...

Фикрят Табеев (цитирую по упомянутой выше книге о нём) сказал вот о чём: «Никите Сергеевичу в Казани очень понравилось. Доволен остался он и отдыхом. Когда я утром зашёл в его комнату, он уже был на ногах, разговаривал с кем-то по телефону. „Всё было хорошо, — говорит Никита Сергеевич. — Вот только ночью турки не давали спать. Разбудили телефонным звонком...“ Если его побеспокоили под утро, значит, проблема заслуживала внимания главы государства...»

10 августа на теплоходе «ОМ-290» из Борового Матюшино по Волге Никита Хрущёв прибыл в Казань и пришвартовался к пирсу около Кремля. По пути от полноты чувств первый секретарь ЦК КПСС запел: «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке...» Как подметили его попутчики, голос у него оказался весьма приятным, да и пел он не «мимо нот». Придерживаясь протокола, ему негромко подпевал и Табеев. Картина маслом! Вглядываясь в панораму города, Никита Сергеевич вдруг воскликнул: «Эх, когда Иван Грозный Казань завоевал, надо было сделать её столицей Руси!»

В столице Татарии глава государства пробыл меньше суток, поэтому он посетил не всё, что планировалось. Не состоялась поездка на авиационный завод № 22. Не побывал он на площадке строящегося завода «Оргсинтез», хотя дорогу, ведущую к нему, привели в порядок, перекрасили в зелёный и голубой цвета серые бетонные будки на остановках троллейбуса. Из-за несостоявшегося визита исчезли покосившиеся памятники заброшенного кладбища Кизического монастыря на улице Декабристов. Они были видны неподалёку от дороги, по которой должен был проехать Хрущёв. Чтобы не портили вид, их убрали.

Студенты и преподаватели — сплошь профессора и доценты КГУ — тоже томились в ожидании встречи с Никитой Сергеевичем несколько часов. Несмотря на жару, никого из них не выпускали из актового зала, а Хрущёв проехал мимо.

Не посетил он и музей вождя революции в Ленино-Кокушкино. А ведь специально для этого от Казани до посёлка соорудили отличную асфальтированную автодорогу протяжённостью 40 километров! Житель деревни Самосырово Александр Гаранин вспоминал: «Денно-ночно строили дорогу. Пыль столбом, пар от асфальта до небес. Лето, жара, асфальт горячий, аж через ботинки стопы обжигал!» Но Хрущёв в сторону Пестречинского района не поехал, а дорога служит до сих пор — некоторые участки без ремонта уже 58 лет, полотно ещё достаточно прочное. Житель Ленино-Кокушкино Анатолий Батманов приводит и такой нюанс: «Асфальтированную дорогу протянули от Казани до родного посёлка, заодно сделали ответвление вправо — 13 километров до райцентра Пестрецы. Подумали: вдруг спросит — а там что? Ну и закатали грунтовку в асфальт до самой околицы»...

Очень понравилась главе государства татарская кухня, особенно блюдо «тутырган тавык» — курица, фаршированная яйцами, приготовленная известным поваром Юнусом Ахметзяновым. Несмотря на возражения личного повара Хрущёва, постоянно напоминавшего шефу, что по рекомендации врачей ему можно есть только паровые котлеты, несколько кур Никита Сергеевич попросил взять с собой в дорогу...

Правительственный поезд, состоящий из шести вагонов, со специальными автомобилями Первого секретаря ЦК КПСС, уже стоял на железнодорожных путях Бугульмы. Перед вылетом в Бугульму из столицы республики на Ил-14 высокий гость выступил перед провожающими с краткой речью. В газете «Советская Татария» об этом написано так: «Никита Сергеевич Хрущёв отметил, что Казань — это город, в котором начал революционную деятельность основатель партии и Советского государства В. И. Ленин, что сейчас Казань является крупным промышленным и культурным центром страны, что этот город имеет большую будущность».

Возле Бугульминского аэропорта, к слову, очень комфортабельного по тем временам, к приезду Хрущёва поле засеяли кукурузой. Она не взошла. Чтобы не расстраивать дорогого гостя, поле пришлось перепахать. В самой Бугульме Никиту Хрущёва приветствовали собравшиеся по этому случаю трудящиеся города. Далее высокий гость и сопровождавшие его лица направились на нефтепромыслы, чтобы познакомиться с работой нефтяников, побеседовать со специалистами и новаторами производства.

От посёлка Карабаш, раскинувшегося на берегу искусственного водоёма, открывалась обширная панорама промыслов. Фикрят Табеев приводит такое наблюдение: «Окидывая взглядом горящие факелы с попутным газом, Никита Сергеевич сказал: „Эх, сколько добра горит впустую. Неужели его нельзя использовать? Ну хотя бы на обогрев теплиц или для котельных?“ Мы все, конечно, дипломатично промолчали. Попутный газ ведь нельзя использовать напрямую. В принципе, конечно, Никита Сергеевич был прав. Позже мы нашли попутному газу достойное применение, когда построили Миннибаевский газоперерабатывающий завод, а позже Нижнекамский нефтехимический комбинат».

Далее кортеж направился в Азнакаево. С обеих сторон дороги стояли, встречая его улыбками и радостными возгласами, свезённые отовсюду автобусами труженики полей, заводов и нефтяных промыслов. Первый секретарь Азнакаевского райкома КПСС Анвар Багаутдинов в своей книге «О времени и о себе» вспоминал: «Несмотря на то, что все дорожные обочины задолго до приезда гостя скоблили и вылизывали, проверяющие почему-то не придали значения обратной стороне одного из аншлагов, который в духе тех времён призывал: „Догоним США по производству мяса и молока!“ Добавлю, что кое-где в порядке самодеятельности писали тогда „и перегоним“. Лозунг был очень модным, он должен был понравиться Никите Сергеевичу, случись ему,

глядя за окно, прочитать его. Однако возвращаясь по той же дороге, кое-кто с ужасом обнаружил на обратной стороне аншлага надпись: „Не уверен — не обгоняй!“ И подпись „ГАИ“. Сопровождавший Хрущёва заместитель председателя КГБ ТАССР Олег Иванович Данилов твёрдым голосом сказал, что никакой политики в совмещении этих двух надписей на одном аншлаге он не усматривает. Всё написано от души и по делу. Говорят, что Никита Сергеевич таким ответом остался доволен».

Свыше двухсот километров проехал он за день по Татарской республике. Хрущёв сравнил увиденное с Курской областью. Плодородные поля — и узкие ленты лесов между ними. Деревни — в зелени садов, а за околицей — рожь, пшеница, горох, сахарная свёкла, картофель. В одном из самых передовых колхозов республики «Авангард» Альметьевского района колхозники тепло встретили дорогого гостя. Здесь он осмотрел посевы пшеницы, проса, кукурузы, сахарной свёклы, гороха и других культур. Побеседовав с председателем колхоза и бригадиром, Хрущёв попросил помощника записать их фамилии. Следом пригласил их в Москву на празднование годовщины Великого Октября, заметив окружающим, что надо всем брать пример с этих замечательных тружеников. Можно предположить, оба получили бы высокие награды, если бы не случившийся вскоре драматический «октябрьский переворот» того же 1964 года, когда соратники вероломно убрали с поста реформатора и клеймителя Сталина. Кое-кто уже шутя предлагал председателю и бригадиру сделать дырочку на парадном костюме для ордена, а, возможно, и звезды Героя Социалистического Труда.

В тот день Никита Сергеевич взял на заметку и некоторые просьбы руководителей нефтяного края, которые, заметим, вскоре выполнил. Анвар Багаутдинов приводит такой факт: «Он узнал, что в полюбившемся ему „Авангарде“ хотели бы посеять знаменитый сорт озимой пшеницы „Мироновская-88“, дающей более 30 центнеров с гектара даже при неблагоприятных погодных условиях. Через три дня в Бугульме приземлился „борт“ военно-транспортной авиации с 3 тоннами семян».

Также Хрущёву показали новинку нефтедобывающей технологии того времени — перевозимую без разборки на новое место буровую вышку. Наблюдая, насколько сложна и опасна операция «перетаскивания» её несколькими маломощными тракторами С-100, Первый секретарь ЦК КПСС тут же поручил помощнику связаться с Челябинском и обеспечить выделение нефтяникам Татарии четырёх более мощных тракторов. Уже через пять дней они были доставлены в трест «Татбурнефть».

Программа посещения восточной части Татарии предусматривала обед на лоне природы и общение в доме «рядового» колхозника, в который заранее привезли им портную мебель, сервизы и бытовую технику. Существует такая легенда, которую потом долго пересказывали из уст в уста. Визит не состоялся, но, когда к колхознику пришла машина, чтобы вывезти весь антураж — мебель, сервизы и технику, хозяин якобы заявил, что немедленно пошлёт телеграмму Хрущёву. О том, что, испугавшись, начальство то ли оставило все привезённые вещи, то ли оставило только мебель — история умалчивает.

А вот потрапезничать на природе Хрущёву, конечно же, довелось. Фикрят Табеев живописует: «Недалеко от дороги Азнакаево-Бугульма на опушке леса рядом с колхозным пчельником нефтяники соорудили большой оригинальный татарский шатёр. Отдельный небольшой шатёр был поставлен и для водителей. В стороне — туалет и рукомойник. В большом шатре П-образно составили столы. На всякий случай поставили и кровать с постелью — вдруг Никита Сергеевич захочет отдохнуть. Молодцы, конечно, нефтяники. Всё учли. Стол был заставлен, в основном, блюдами национальной кухни. Никита Сергеевич ел эчпочмак с супом... Пообедав, Никита Сергеевич помыл руки и хотел было направиться к автомобилю. И в этот момент из лесной чащобы

выскакивает пожилой мужчина и со словами „Никита Сергеевич, туктагыз эл!“ кинулся к Хрущёву. В одной руке держал он медовую соту в рамке. Выяснилось, что это пасечник колхоза, ульи которого находились в этой роще. Самое любопытное в том, что у пасечника не было правой руки до запястья. Хирурги на его культе сделали прорезь. Хрущёв приостановился у правительственного лимузина. Пасечник подбежал к Никите Сергеевичу и... раз ему в правую руку свою раздвоенную культю. Хрущёв от неожиданности даже отпрянул. Но, опомнившись, взял культю в руку. В общем, поздоровались... „Никита Сергеевич! Возьмите, пожалуйста, от меня небольшой подарок“, — обращается взволнованный пасечник, и протягивает ему рамку с мёдом Хрущёв растрогался. Взял рамку и велел её уложить в машину как следует. В краткой беседе выяснилось, что пасечник — бывший офицер, инвалид Великой Отечественной войны. Никита Сергеевич начал торопливо шариться в карманах своего пиджака. Достал очень дорогую по тем временам авторучку и подарил её пасечнику. Потом все поехали в Бугульму к правительственному поезду».

Через всю Бугульму по площади Ленина, улице Мусы Джалиля до железнодорожного вокзала кортеж проехал без остановок. Народ теснился по обеим сторонам дороги. Первым проехал огромный ЗИС-110 Б с брезентовой крышей, следом ещё один — ЗИС-110 и десятки автомобилей «Волга» ГАЗ-21. Встречать-проводить Хрущёва «пригнали» практически весь город. Среди горожан оказался в то время школьник, а ныне действительный член Императорского православного Палестинского общества, председатель Казанского городского общества историков-краеведов Анатолий Елдашев. Вот как он обращается мыслями в август 1964 года.

«В мае я завершил обучение в 8-м классе Бугульминской средней школы № 2, в июне успешно сдал все четыре экзамена и был переведён в 9-й класс. Летом остался в городе, помогать маме по хозяйству. 9 августа ко мне утром неожиданно пришла моя соученица по классу Асия Хисамеева — домашних телефонов же тогда почти не было — и говорит, что классная руководительница Ираида Фёдоровна (она у нас вела географию) сказала, чтобы все завтра к 9-ти часам утра собрались в школе. Спрашиваю — зачем? Ведь каникулы, а летнюю отработку на пришкольном участке я прошёл в июле. Асия мне: „Ты что? Не в курсе, что ли? Завтра же в наш город приезжает сам Хрущёв!“ Конечно, это событие потрясло наш небольшой город (население Бугульмы тогда не превышало 70 тысяч жителей). Утром двор школы был запружён учениками, учителями, стояла возбуждённая атмосфера, все были взволнованы предстоящей встречей. Как же, увидев Хрущёва живую! Не в телевизоре же! Нам раздали флажки, шары, приветственные транспаранты. Ученики вместе с преподавателями во главе с директором Константином Ивановичем Олейником выдвинулись к пересечению улиц Мусы Джалиля и Газинура Гафиатуллина, что буквально в квартале от школы, напротив главного здания научно-исследовательского нефтяного института. Растянулись по тротуару по двое-трое, рядом стояли рабочие, инженеры. Как я понял, многих тогда сняли с работы. Стоим час, другой, начали уже и уставать. Но никто не расходился. Возбуждение от предстоящей встречи витало в воздухе. И только через пять часов вдалеке появился кортеж машин, в одной из которых и ехал Хрущёв. Я как раз стоял со стороны пассажира и мог его более или менее детально рассмотреть, расстояние до машины было метра два всего. Лидер сидел усталый, лениво махал рукой, особо не обращая внимания на толпы людей, его встречающих. Вот и всё! Помню, остался осадок. Так долго стояли, ждали, миг — и проехал... А в моём юношеском мозгу до этого рисовалась картина: стоит в открытом авто, горячо приветствует собравшихся людей. Но потом перед теми своими ребятами, кто по разным причинам не смог лицезреть это событие, я хвалился — мне-то это удалось сделать!»

На железнодорожном вокзале собрались люди, члены бюро и обкома, другие сопровождающие лица. Была там и Саня Бакаева, ныне пенсионерка, жительница Казани. Ныне она вспоминает: «В первых числах августа меня и мою подругу, одноклассницу Галю Камалтынову выбрали для почётной церемонии — вручения цветов Никите Сергеевичу. Нас одели в татарские национальные костюмы, на ногах ичиги маленького размера, в которых было неудобно ходить. Платка не было, взяла у бабушки. Нас привезли на ж/д вокзал, ждали долго, часов пять, устали. Только во второй половине дня вдалеке появилась кавалькада машин. Цветы мы вручили Хрущёву уже на перроне, перед его посадкой в вагон. Это были розы, да такие крупные — я никогда подобных в жизни не видела. Он, уважительно глядя на нас, принял цветы. Вручаю, смотрю на него, в глазах лидера страны такая уверенность, такое спокойствие, такой умный взгляд. Прошло почти 60 лет, а этот взгляд так явственно запечатлелся в моей памяти! Машину ЗИС, которая его привезла, на наших глазах погрузили на открытую платформу. Из вагона вышел повар и стал угощать всех присутствующих конфетами в коробках, что тогда было большим дефицитом. Но мы с Галей уже отошли в сторону».

Прежде чем сесть в свой вагон, Никита Сергеевич кратко поговорил с провожающими, высказал слова благодарности за добросовестный труд, тёплый приём. А Табееву сказал: «Товарищ Табеев! Садитесь со мной в вагон. Поехали вместе в Башкирию». Фикрят Ахмеджанович хотел было отказаться: «Неудобно как-то». Но Хрущёв настоял. На совещании, проведённом вечером 11 августа в Октябрьске, Никита Сергеевич, говоря о задачах, стоящих перед партийными организациями обеих республик в области нефтедобычи и повышения урожайности, упрекнул Первого секретаря Башкирского обкома КПСС Зию Нуриевича Нуриева в том, что Башкирия так и не выполнила обещания дать миллион тонн зерна. Но положение со снабжением продовольствием в Башкирии было настолько плохим, что, как пишет Багаутдинов, «в Октябрьске площадь вокруг Дома культуры была заполнена возмущённым народом, который скандировал вслед Хрущёву: „Когда накормите народ?“ Это стихийное и агрессивное выступление грозило перерасти в беспорядки типа новочеркасских. Но обошлось. В город срочно подбросили продукты и даже деликатесы — копчёную колбасу и несколько сортов сыра. На всякий случай прислали и батальон внутренних войск.

Хрущёв, обладая незаурядной хозяйственной жилкой, за время своего руководства страной сделал немало для её развития, но это не уберегло его от смещения с главного поста страны. Через два месяца после посещения Казани (14 октября 1964 года) он был снят со всех должностей.

